

**Любовь к трем апельсинам.
Журнал доктора Дапертутто
1914 года №3**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82.09
ББК 83.3
Л93

Л93 Любовь к трем апельсинам. Журнал доктора Дапертутто 1914 года №3 / – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 98 с.

ISBN 978-5-458-68097-4

ISBN 978-5-458-68097-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Le persone perspicaci, spiritose, ed argute, atte ad appagare anche i risvegliati talenti, le quali rappresentano le antiche maschere della nostra Commedia improvvisa, soccorse dagli scorcj naturali, e dal loro caratterizzato vestiario faceto, hanno l'arma d'un ridicolo tanto marcato, preciso, materiale, ed efficace, che non potrà mai essere scemato nel suo effetto sul popolo, il quale averà sempre il diritto di godere di ciò, che gli piace, di ridere a ciò, che lo solletica, e di non badare a' mascherati Catoni, i quali non vogliono, ch' egli senta piacere di ciò, che gli piace.

CONTE CARLO GOZZI.

ТРИОЛЕТЪ.

Пройдутъ всѣ эти дни, вся жизнь совется наша,
Какъ мимолетный сонъ, какъ цѣпь мгновенныхъ сновъ.
Останется едва немного вѣщихъ словъ,
И только ими жизнь оправдана вся наша,
Отравами земли наполненная чаша,
Кой какъ слѣпленная изъ радужныхъ кусковъ.
Истлѣютъ наши дни, вся жизнь совется наша,
Какъ ладанъ изъ кадилъ, какъ дымъ недолгихъ сновъ.

ЕЕДОРЪ СОЛОГУВЪ.

АРАБЪ.

М. Ф. ГНѢСИНУ.

Въ спокойствіи размѣрныхъ, строгихъ дней
Внезапно сердце—радостно и слабо.
Что можетъ быть нежданнѣй, что страннѣй?—
Здѣсь, въ Петербургѣ, встрѣтилъ я араба.

Трамвай на мигъ дорогу пересѣкъ...
Не вѣрилъ я: бурнуса цвѣтъ верблюжій
Мелькнулъ вдали, и въ фескѣ челоуѣкъ
Нагнулся обувь завязать потуже.

О, въ этотъ городъ твердости и тьмы
Какъ могъ араба странный рокъ забросить?
Другъ другу сразу улыбнулись мы!
Веселый взглядъ и въ бородѣ ужъ просѣдь.

Цвѣтного шарфа сладостень узоръ.
Бѣлѣть поясъ и желтѣть посохъ,
Бурнусъ—черезъ плечо, святой уборъ.
Арабъ идетъ межъ сѣрыхъ и курносыхъ

Названья слышу (древнія слова)
Дамаска, Виолеема, Іемена.
Земля обѣтованная жива!
А эта жизнь—вѣковъ и лѣтъ измѣна.

В. ПАРНОХЪ

Я вѣрю, объятья жарки, я вѣрю, лобзанья жгучи,
Я вѣрю, что могутъ душу они всколыхнуть до дна.
И все-жъ я знаю мгновенья томительнѣе и лучше,
И все-жъ я знаю минуту, которая—одна.

А впрочемъ все это было обыденно и просто,
Во тѣмѣ смѣшалось море и даль ночныхъ небесъ.
Мы всѣ прошлись по бульвару, отъ пристани и до моста,
Зашли въ кинематографъ подъ легкій лѣтній навѣсъ.

Смотрѣли, какъ на безпокойномъ и вздрагивавшемъ экранѣ
Съ нелѣпою гримасой нѣмая корчилась тѣнь.
Пускай когда-либо сердце объ алой плакало ранѣ,
Быль весь я въ ту минуту, какъ трезвый осенній день.

Но мы—ахъ, совсѣмъ случайно!—другъ на друга взглянули
вплотную,
И Ваши зрочки темнѣли у самыхъ моихъ зрачковъ,
И мы понеслись, задыхаясь, на гору какъ смерчъ крутую,
И стало вокругъ бездонно, и стало вокругъ ничто.

Я вѣрю, объятья жарки, я вѣрю, лобзанья жгучи,
Я вѣрю, что могутъ душу они всколыхнуть до дна.
И все-жъ я знаю мгновенья томительнѣе и лучше,
И все-же эта минута до сихъ поръ осталась одна.

СЕРГѢЙ РАДЛОВЪ.

„БОЛЬШОЙ КАПРИЗЪ“.

На тѣлѣ розовыхъ колоннъ
Слѣды толпы, идущей мимо.
Храмъ придорожный оскверненъ,
Но Красота неосквернима.

Закатъ далекій потускнѣлъ,
Но розовѣтъ мраморъ стройный,
Неся красу воздушныхъ тѣлъ
Всю въ ранахъ фразы непристойной.

Люблю и въ злѣ свою мечту,
Уродство въ мірѣ неизбежно,
И я цѣлую Красоту,
Безстыдныхъ словъ касаясь нѣжно.

^
КОНСТ. ЭРБЕРГЪ.

Царское Село.

Іюнь, 1910.

О ТЕАТРАЛЬНЫХЪ МАСКАХЪ.

Когда актеръ древне-греческой трагедіи надѣвалъ свою маску и становился на свои котурны, онъ зналъ, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ. Не для того, чтобы съ помощью раструба у рта сдѣлать громче свой голосъ, и не для того, чтобы прибавить себѣ росту и стать виднѣе для многотысячной толпы. Ему надо было придать себѣ черты религіознаго величія, надо было перестать быть тѣмъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Вѣдь, становясь на театральныя подмостки, актеръ становился какъ бы служителемъ Діониса, тѣмъ священнымъ лицомъ, на которое возлагалось дивное таинство очищенія путемъ страха и состраданія. Греческій трагическій актеръ могъ и хотѣлъ надѣвать свою маску потому, что вѣрилъ въ религіозное значеніе мѣа, лежавшаго въ основѣ представляемой имъ трагедіи. Недаромъ на римской почвѣ трагическій актеръ, утративъ вѣру, утратилъ и маску, выдѣлявшую его изъ круга людей-зрителей въ кругъ боговъ и героевъ.

Пусть одинъ изъ элементовъ древне-аттической комедіи—элементъ личной насмѣшки—развился изъ религіозныхъ моментовъ сельскихъ Діонисій. Это былъ наименѣе устойчивый элементъ—онъ вмѣстѣ съ фантастичностью содержанія заглохъ въ средней и новой комедіи и совершенно не могъ привиться въ Римѣ. Второй элементъ—насмѣшка бытовая, бытовый юморъ—былъ не іоническаго, а дорическаго происхожденія, пришелъ въ Аттику изъ Сициліи.—И для насъ знаменательно, что костюмъ греческаго комическаго актера—съ его гротесковой маской, накладными подушками, короткимъ хитономъ и нѣкоторыми obscenными

особенностями—былъ похожъ на костюмъ уродцовъ-фліаковъ изъ Великой Греціи, тѣхъ самыхъ фліаковъ, которые помимо бытовыхъ сюжетовъ разыгрывали еще и пародіи на сюжеты миеологическіе. И комическая маска отдѣляла актера отъ зрителя. Недаромъ въ такъ называемой парабазѣ хоръ сбрасывалъ съ себя маски и театральныя одежды и говорилъ съ публикой съ просценіума—уже не какъ хоръ съ корифеемъ во главѣ, а какъ группа хористовъ подъ руководствомъ хорега. Только трагическая маска была и осталась до конца религіозной, а маска комическая, если и носила когда то культовой характеръ, то быстро утратила его и всецѣло отдала себя гротеску.

Однако, не грекамъ и не греческой комедіи суждено было выявить существо маски до конца. Сдѣлали это жители Италіи—этруски, оски, латиняне, римляне, итальянцы. Правда, ни начатки римской комедіи въ фесценнинахъ, ни римская подражательная комедія—*comedia palliata*, ни даже національная литературная *comedia togata* не пошли въ этомъ отношеніи много дальше греческой бытовой комедіи. Какъ и у грековъ, мы встрѣчаемъ здѣсь все тѣ же характеры—скупого суроваго отца, благодушную мать, распутника и мота сына, мошенника раба, капризную жену, паразита, забіяку-военнаго и т. д. Эти характеры повторяются постоянно, но они не достигаютъ еще послѣдней завершенности гротеска. Лишь съ появленіемъ въ Римѣ ателланъ, съ ихъ закрѣпленіемъ характерныхъ типовъ въ образѣ традиціонныхъ масокъ элементъ гротеска достигаетъ своего полного развитія. Этыхъ традиціонныхъ масокъ четыре—простакъ *Massus*, толстощекий обжора и болтунъ, трусъ и плуть *Vucso*, богатый, скупой и глупый старикъ *Pappus* и философъ и ученый, невѣжда и шарлатанъ *Dorsenus*. Ателланы, въ развитіи своемъ оставивъ деревенскіе и провинціальныя сюжеты, обратились за сюжетами къ *comedia palliata* и *comedia togata*, даже пародировали греческія трагедіи, даже вводили элементъ фантастическій. Естественно пришлось вводить особыя, новыя или удваивать основныя